

Борис Николаевич Краснов родился в 1953 году в Ленинграде. Окончил Ленинградский электротехнический институт связи им. М.А. Бонч-Бруевича. Поэт, прозаик. Публиковался в журналах «Нева», «Костер», «Северная Аврора», «Родная Ладога», «Подъём» и др. Автор семи книг стихов и многочисленных журнальных публикаций прозы и критики. Руководитель Литературной мастерской при Санкт-Петербургском отделении Союза писателей России. Лауреат премии им. А.К. Толстого. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Борис Краснов

ДОМ НА БОЛОТЕ

Рассказ

Сколько коттеджей — и каменных, и бревенчатых, и под латиноамериканские ранчо, и под русскую старину, и в виде готических замков — появилось в окрестностях Питера за последние годы. Они огорожены непроницаемыми заборами, оснащены новейшими системами сигнализации, их невидимые хозяева только изредка посещают свои владения. Раскрутившиеся в лихие девяностые и удачно избежавшие смертельных разборок с пытками пакетами и утюгами, они наконец-то могут вздохнуть свободно: выстояли! Теперь они могут с гордостью пройти мимо бассейна с бирюзовой водой, мимо резной беседки, мимо бани с сауной, вокруг крыльца... но у них нет времени на отдых. Они должны делать деньги, им некогда отдыхать, и эти замки, коттеджи, ранчо стоят пустуя, и только телекамеры строго следят за ними — за такими комфортными и такими безлюдными пространствами...

1

Мы сидим под сухим ноябрьским снежком на свежепиленных досках и бросаем из кузова машины ленивые взгляды на серое здание АТС с узкими темными окнами, на бегущих по делам прохожих и на уходящую вдаль улицу. Со мной и Ко-

соворотывым еще некто Серега — серая малопримечательная личность, но крепкая физически.

Постепенно темнеет, и воздух начинает превращаться в густой фиолетовый раствор. Моргнув, зажигается трепещущий свет под колпаком высокого фонаря.

Шофер машины нервно прохаживается рядом с нами и бросает тяжелые взгляды в сторону Юрьича, который, набегавшись взад-вперед и наругавшись со всеми, молча стоит возле грузовика и курит.

Крупный нос и широкий рот на узком лице придают облику Юрьича нечто противоестественное, а в свете синих фонарей — так даже и демоническое. Но окончателюму его демонизму мешают несколько сутуловатая и щуплая фактура тела.

— Юрьич, да брось ты этот аппаратный зал, — бросает с машины Тоша, — сложим во дворе института на автостоянке, накроешь пленкой — и все дела.

— А-а! — судорожно вскрикивает хлипкий Юрьич. — Пропади оно все пропадом! — Он бросает сигарету и снова убегает.

Начальник АТС стоит насмерть и не отдает пустующий аппаратный зал под складирование пиломатериалов. Хотя Юрьич и подпаивал его, и обещал неформальные связи с ЛО НИИС. Вся зря...

Приходится Вячеславу Юрьевичу Спицыну разворачивать машину и везти свои «дрова», а именно так он называет набор пиломатериалов для строительства небольшого дачного домика, на открытую площадку к институту. Всю дорогу он печалится:

— Ой, сгниют за зиму там мои досочки. Разворуют, сволочи...

— Да ни хрена с твоими дровами не станется, — раздраженно убеждает его Тоша. — Перезимуют в лучшем виде.

А Серега ничего не говорит. Ему это и не нужно.

Потом мы выталкиваем длинные извивающиеся доски из кузова, и легкий дымчатый снег словно тополиный пух раскатывается в стороны от звонких деревянных хлопков, обнажая сухой асфальт. Потом, тяжело присев, тащим вчетвером сырые щиты и складываем их в стопки.

На улице совсем темно, лишь со стороны института на площадку долетает ослабленный свет фонарей. По снежной пустыне двигаются, то смешиваясь, то разделяясь, длинные и черные наши тени.

Разгрузившись и отпустив машину, мы бредем по коридору опустевшего института в темную и тесную лабораторию. Там Юрьич, пошарив в тумбочке, достает пару бутылок водки и незамысловатую закуску. Выпитая водка действует незамедлительно. Развязываются языки, нервное и физическое напряжение отпускает. Сама проблема дачного строительства перестает быть проблемой и перемещается в область риторики — область абстрактных языковых приложений...

Но все хорошее кончается. Кончается и водка.

Утром следующего дня мрачный Юрьич поглядывает из окна лаборатории на свои драгоценные «дрова», сваленные на автостоянке, и я вижу, как беспокойство гложет его душу. Я уже пожалел, что напросился к Юрьичу в отдел под его крыло. Крыло все более и более кажется мне ненадежным.

В обед из того же окна я наблюдаю, как Юрьич, словно некое странное для зимнего времени насекомое, ползает по своим доскам, набивая полиэтиленовую пленку. Пленка бьется на ветру, хлещет упрямого Юрьича по спине, и я хорошо представляю, как тот стонет и ругается, выплевывая на ветер злые слова.

Потом в столовой, поднося ложку ко рту, он вдруг сосредоточенно задумывается.

— Надо пиломатериалы в ангар перенести, — решительно говорит он. — Там их не украдут, по крайней мере. И в ангаре — сухо.

— А на улице мокро, что ли? — возражаю я с досадой.

— А весной? — Юрьич отставляет ложку в сторону и глядит на меня строгим пронзительным взором. — Весной, когда все потечет?

Я вижу, что спорить с ним бесполезно: идея переселения пиломатериалов в ангар уже овладела им решительно и окончательно. И действительно, вскоре, мобилизовав всю мужскую часть лаборатории, Юрьич перемещает пиломатериалы на новое место.

Снова летят доски, тяжелые щиты переползают на обвисших руках инженеров и техников, разорванная полиэтиленовая пленка опять зачем-то набивается поверх досок.

— Теперь я спокоен, — говорит Юрьич.

Но спокойствия я не вижу в его глазах. Теперь его точит мысль, где найти плотников, которые соберут ему дом.

Хотя зима еще только-только началась, но она ведь как началась, так и закончится. Не успеешь к ней привыкнуть, обжиться в ней, как весеннее солнце начнет облизывать лед. А там уже — затяжные оттепели, тонкие капли с длинных прозрачных сосулек, первые торопливые дожди...

И вот уже действительно все тает и размакает буквально на глазах — течет, пузырится и булькает. Грязные бумажки, окурки, собачьи «баранки» вылезают из-под снега с бесстыжей откровенностью. Вылезает трава на газонах — желтая и полеглая...

2

С приходом весны и началом таяния снега стало подтапливать ангар. Оказалось, что он поставлен на очень низком и невыгодном месте. Теперь каждый день в обед Юрьич уходит туда с линейкой и измеряет уровень воды.

— Сегодня уже десять сантиметров, а вчера еще было семь с половиной, — сокрушается он, показывая нам мокрую линейку.

А вода все прибывает и прибывает. Вот она поднялась до двенадцати сантиметров, потом до шестнадцати, потом до двадцати одного. Очко!

Это — максимальная отметка, на этом уровне вода держится два дня, а потом идет на убыль.

— И почему в эту зиму так много снега выпало? — возмущается Юрьич. — Как будто нарочно.

— Это сама природа тебя предупреждает: отступись, гордый человек, — говорю ему я за обедом в столовой.

— Не на-адо! — останавливает Юрьич мою риторику, изящно упираясь в воздух ладонью...

Не дождавшись окончательной убыли воды, он организовывает перевоз своего будущего дома на пригородный участок — шесть соток, которые институт выделил ему на 63-м километре за Зеленогорском. К делу привлечены я, Тоша Косоворотов и народ из лаборатории...

Мы бултыхаемся сапогами в грязной воде, в очередной раз переворачивая доски и щиты. И в очередной раз избытком нервной энергии Юрьич восполняет недостаток энергии физической. «И-эх, взяли!» — командует он, лихо ухватываясь за угол щита и подгибаясь словно пук соломой.

И мы снова тащим эти уже трижды прокатые щиты по скользкой ледяной воде и, матерясь, заталкиваем их в высокий кузов «шаланды».

Все-таки мы уже приноровились к погрузо-разгрузочным работам: теперь действия наши более осмысленны и расчетливы. Разгружаем «дрова» на участок мы всего за какие-то полтора часа.

Юрьич с грустью перебирает обрывки полиэтиленовой пленки и сокрушается:

— Изорвали, гады, мне весь полиэтилен.

— Юрьич, ты видел: я все аккуратно делал. Все чтоб ни царапины, — предупредительно встывает Косоворотов.

— Тоша, — делово отвечает ему Юрьич, — я налью тебе за это лишнюю стопку водки...

По дороге, похрустывая мелкими камушками, к нам подъезжает велосипедист — молодой тощий мужик с несколько диковатым выражением глаз. К раме его велосипеда примотана проволокой широкая алюминиевая труба.

— Ну что, привез свои «дрова»? — весело окликает он Юрьича.

— А, Саня? Здорово. Ты откуда? Со свалки?

— Ага, — Саня улыбается и показывает свою добычу. — Вон какую трубу уволок! Цветной металл!

— Да, — Юрьич подходит к Сане и уважительно трогает трубу. — Отличная труба.

— Ее куда хошь можно приспособить, — говорит Саня. — Хошь — в печь, хошь — в дренаж.

— Алюминий лучше в дренаж. А печную трубу можно и из жести согнуть, — говорит Юрьич с таким видом, словно он уже бесчисленное число раз укладывал трубы в дренаж и гнул из жести печные трубы.

— Да я и сам думаю ее в дренаж сунуть, — соглашается Саня.

Но вот велосипедист уехал, и Юрьич с воодушевлением принимается показывать нам свой участок.

— Вот здесь яму буду рыть для большого дома — плавающий фундамент насыпать, — разводит он руками. — А сюда — «сарай» свой поставлю.

Свой сборный домик Юрьич считает временкой, полагая, что когда-нибудь ему удастся насыпать баксов на большой кирпичный дом. Но, как говорят классики, ничто не бывает так постоянно, как временное.

— Мне Саня говорит: копай до глины, — продолжает между тем Юрьич, — Хорошо ему говорить — у него до глины всего метр. А у меня — больше двух! Сплошной торф!

— Да, Юрьич, — говорю я. — Занесло тебя в сплошное болото...

— А это у тебя что за кустики? — трогает Тоша ногой какие-то тонкие прутки.

— А, это у меня карликовая береза растет. — Юрьич оживает, приседает и начинает излагать нам свою идею об устройстве огородов. — Привезу грунт, сделаю насыпные грядки. Сначала лук посажу, потом редиску всякую...

Я с сомнением думаю о том, что как бы не пришлось нам с Тошей для него самого тут «грядку» насыпать. Работы на участке непочтатый край, и работы — тяжелой. Все это для Юрьича, при его непрочной конституции и склонности к «руководению», может кончиться весьма и весьма печально.

Потом на сыром весеннем ветру мы кое-как распиваем бутылку водки «для сугрева» и трогаемся в обратный путь.

И снова Юрьич мотается по командировкам, «сшибает баксы», и снова — безуспешно. Все это время пиломатериалы валяются на участке, и с каждым днем куча дров тает и оседает, как весенний сугроб. Исчезают половые доски, плинтуса, вагонка. Каждый раз возвращаясь со своего участка Юрьич делается все более и более мрачным. Наконец в конце августа, видя, что концы с концами у него никак не сходятся, а время уходит, он обращается за помощью к Тоше.

Тот позвонил мне на следующий же день.

— Костя, тебе Юрьич ничего не говорил про свой «сарай»?

— Нет, а что?

— Говорит, Тоша, выручай. Осень на пороге, а дом — в дровах. Сколотите, говорит, с Костей хоть как. Хоть на «живую нитку». Заплачу по пол-лимона на нос.

— Интересно, — возмутился я. — А почему он именно к тебе обратился? Мы же с ним тут в одной лаборатории сидим — через стол.

— Ну, — замялся Косоворотов, — он думал, что ты откажешься.

— А ты — согласился?!

— А что? Пол-лимона нынче на дороге не валяются, — невозмутимо возразил Тоша. — Я подумал: соберем так соберем, а нет — так и хрен с ним!

— Мудро, — оценил я последнее его замечание.

— Ну так как? Тряхнем стариной? — это он намекал на наши трудовые подвиги в Коми: когда-то в стройотряде мы ставили вместе щитовые дома.

Я задумался: не хотелось связываться с Юрьичевой дачей. Этак можно было и вовсе погрязнуть в ней. Хоть он и говорит сейчас, что «мужики, все там будем отдыхать — баб возить по пятницам», — кто знает, как оно потом все повернется. А с другой стороны, «тряхнуть стариной» тоже заманчиво. Все мы входили тогда в так называемый ностальгический возраст...

Последний мой стройотряд получился не слишком удачным — командир оказался сволочью и здорово всех нагрел с зарплатой. Мы еще даже судились с ним. Но с тех прошло уже больше двадцати лет, и прошлое былое успело покрыться легким розовым ореолом.

— Там делов-то всего дня на три-четыре, — продолжал уговаривать меня Косоворотов. — Поставим палаточку, разведем костерок. Юрьич говорит, что он нам готовить будет. Инструмент весь у меня есть...

И в конце концов, я ностальгически вздохнул и согласился.

Через два дня мы уже ходили по зыбкому болотному участку и разбирали кучу пиломатериалов. Раскладывали и считали элементы будущего строения. Хотя доски и были благоразумно придавлены тяжелыми щитами, все равно лучшие образцы кто-то выдернул и утащил. Из половых досок — длинных струганных дюймовок — осталась всего одна доска.

— На расплод оставили, — сказал Тоша, повертывая в руках одинокую досочку.

— Косоворотов, не трави душу! — страдальчески воскликнул Юрьич и отобрал доску.

За лето Юрьич вырыл в торфе широченную яму, куда насыпал щебенку и песок, — это был его знаменитый «плавающий фундамент». По предложению Юрьича мы с Тошей по очереди попрыгали на плавающим

фундаменте и убедились в его прочности и непоколебимости. Здесь нам и предстояло ставить палатку и разводить костер.

— А щиты — того, — заметил Косоворотов, — кривые, заразы... Да и отяжелели от воды...

Домик был довольно хлипенький в своем основании, ставить его полагалось на восемь или десять опор. Но Юрьич предлагал ставить на четыре — четыре бетонные плашки, укрепив предварительно нижнюю обвязку толстым брусом.

Косоворотов скептически осмотрел купленный брус.

— Выдержит брус-то? — спросил он и с сомнением пошевелил его ногой. — Что-то повело его сильно, подтесывать придется.

— Тоша, блин, — зашумел Юрьич, — все-то тебе не нравится!

Потом мы ходили в лес за дровами, разводили костер. Пока Юрьич кашеварил, а я ставил палатку, Тоша все еще плутал между четырех опор будущего дома, то прикладывал уровень к брусу, то проставлял мелком какие-то крестики, приседал, чесал свою курчавую голову и горестно вздыхал. Он всегда начинал не торопясь, как бы с трудом преодолевая лень, но потом постепенно разогнался, входил в раж, и тогда уже за ним было не угнаться.

— Тоша, кончай миллиметры считать, жрать пора! — кричал ему Юрьич и размахивал в потемневшем воздухе дымящейся ложкой.

В песочной яме было уютно, хотя и немного сыро. Мы сидели вокруг трещащего пламени костра, и Юрьич сосредоточенно разливал водку по гулким кружкам.

— Юрьич, не гони, — ласково уговаривал его Тоша.

А вокруг тлела, замирая, вечерняя жизнь садоводства: где-то гудел движок насоса, влаивали собаки, кто-то стучал вдалеке молотком — однообразно и печально. Большая черно-желтая луна выкатывалась из-за гребенки далекого леса.

— Эх, мужики, — мечтательно вздохнул Тоша, размягченный выпитой водкой. — Хорошо-то как... А помнишь, Костя, как мы с тобой в «Селене» на гитарах бацали?

— Ага, — кивнул я, — прогулки по Гарьинскому «проспекту любви»? Помню, помню твою Машу...

— Гы-гы, — отозвался Тоша. — Да-а... Молодые были!

— Какую еще Машу? — заинтересованно вскинулся Юрьич.

— А была у нас такая — Маша, — оживился Тоша. — Из местных. Это когда мы с Костей в стройотряд выезжали в Коми. Тоже щитовые дома ставили. Костю тогда еще чуть из стройотряда не поперли — он командирскую жену матом обложил.

— Да ты не про жену, ты про Машу давай, — перебил его Юрьич.

— Погоди. Сейчас будет и про нее, — успокоил его Тоша. — Мы тогда с Костей на танцах в клубе играли. Двенадцать часов бывало отработашь, а потом — в клуб, на гитарах играть. У нас там ансамбль был — «Селена» назывался. Гена был у нас тогда на ударнике, а Вовик — соло-гитара... Костя, помнишь Вовика?

— Помню, помню, как он пьяный со сцены в зал упал.

— Да ты не про Вовика, ты про Машу рассказывай! — все более горячился Юрьич.

— Сейчас, сейчас — будет и про Машу... Но сначала была там еще такая — Вера. Костя, помнишь Веру?

— Какую еще Веру?

— Здравствуй, какую Веру? Ты же сам еще с ней на свадьбе танцевал. А

мне ее потом провожать пришлось — ты напился и свалил куда-то.

— Это, погоди, которая в зеленом платье была, единственная приличная дама? Мы тогда по очереди с ней танцевали?

— Да, да, да, да! — подтвердил Тоша. — Она самая.

— А ну вас в задницу, — обиженно сказал Юрьич и начал по новой разливать водку.

Сам он почти не пил, только чисто символически поддерживал компанию.

А Тоша окончательно ушел в воспоминания, физиономия его размягчилась и приобрела умилительно-влюбленное выражение, глазки повлажнели и замаслились. Речь его становилась все более путанной и медленной.

Время от времени он вскакивал с места и уходил в темные кусты. Возвращался оттуда грустный и притихший. Потом принимался вдруг считать своих бывших жен:

— Одна в Швеции, — говорил он и загибал палец, — Вышла замуж за какого-то водопроводчика. Будто у нас в России мало водопроводчиков! Другая выучила японский, уехала в Японию. В Японию! Не куда-нибудь!.. И сына с собой увезла. Будет теперь, блин, японцем... Юрьич, ну разве я похож на японца?

— Нет, не похож, — охотно откликнулся Юрьич.

— А третья вообще не знаю где...

— Да, плохи твои дела, Христофор Бонифатьич, — говорил я грустно.

— Эх, мужики, прошла молодость! — вскрикивал Тоша и падал головой на хлипкую Юрьичеву грудь.

— Плачь, Тоша, плачь, — приговаривал Юрьич с ласковой суровостью. — Слезы — они очищают...

Непонятно когда и как, но мы забрались наконец в палатку и заснули тяжелым пьяным сном.

4

Утро выдалось ясное и холодное. Косоворотов вылез из палатки последним, хмурый и помятый. Ушел в кусты, вернулся оттуда с тремя пустыми бутылками.

— Это что же, — удивленно произнес он, — мы вчера полтора литра уговорили?

— А ты что думал? — сказал я.

Юрьич обнаружил вдруг за палаткой непереваренные остатки вчерашнего ужина.

— Кто блевал? — строго спрашивал он нас. — Кто изгадил мой участок?

Никто не признался.

— Хороших работников я себе нанял, — театрално сокрушался Юрьич, будто бы и не он вчера усиленно подливал нам в кружки «пятизвездную». — Облевали все мое болото...

С трудом преодолевая похмелье, принялись мы с Косоворотовым размечать обвязку, распиливать и ворочать тяжелые брусья.

Юрьич пошел за водой к роднику. Возвращаясь обратно с двумя полными котелками, он зацепился ногой за кочку и повалился в сырой мох, разбрасывая воду во все стороны.

— А, ба-лин! — закричал он, падая.

Тоша мрачно посмотрел в его сторону, хотел что-то сказать, но сдержался и ничего не сказал.

— Слишком ногами широко машешь, — строго заметил я Юрьичу. — Не на плацу.

— Да, па-шел ты, — огрызнулся Юрьич, собрал свои котелки и снова побрел за водой.

Тоша был молчалив и угрюм. Я старался не раздражать его пустыми разговорами. Мы молча пилили брус, молча укладывали его «в лапу», молча вырубали пазы для лаг. Время от времени Тоша говорил: погоди, — и ползал по обвязке с ватерпасом, выверяя горизонт. В стройотряде мне как-то не доводилось работать вместе с Тошей — обычно он работал с более сильными напарниками.

Потом мы пили горячий чай, пили много, отпиваясь после вчерашнего. Есть не хотелось.

Потом Косоворотов вбивал здоровенные гвозди, скрепляя углы обвязки. Вбивал расчетливо и сильно. Я размечал и устанавливал лаги — работа скорее математическая, нежели физическая.

Издредка Тоша поворачивал голову и кричал негромко: «Юрьич, подай-ка пилу», — или: «Юрьич, принеси еще больших гвоздей». И Юрьич, вроде бы и поспешая, но вместе с тем как бы и не торопясь, подавал пилу или же лез в палатку за гвоздями.

К вечеру мы собрали нижнюю обвязку, и Юрьич деловито ходил вокруг и осматривал ее. Приседал, проверяя горизонт, что-то хмыкал себе под нос.

— Сойдет, — сказал Косоворотов, бросая инструменты в ведро. — Завтра будем щиты ставить...

5

На установку щитов Юрьич зазвал еще двух подельщиков: известно нам уже соседа Саню и некоего полковника, плотного приземистого мужичка. Саня явился в оборванных выше колен джинсах и легкомысленных банных тапочках.

— Саня, мы ведь щиты таскать будем, — предупредил его Юрьич, окидывая подозрительным взглядом Санин наряд. — Посмотри на Тошу — вот как надо одеваться.

Косоворотов как раз напяливал на себя штаны из брезентухи с заплатами на коленях и клиньями на заднице. Сегодня он был повеселее.

— Но-но, — прикрикнул он, — мои штаны не трожь.

— А ты чего хромаешь? — спросил Саня Юрьича.

— А-а... — отмахнулся Юрьич, — бандитская пуля.

А «пуля» была такая: разбивая утром сушняк для костра, Юрьич неудачно стукнул топором, и обломок сухой березы отскочил ему в ногу. Удар пришелся akurat в коленную чашечку. Теперь он припадал на одну ногу и сладко постанывал.

— А это он себе нарочно самострел учинил, чтобы щиты не таскать, — сказал Тоша.

— Иди, иди, убогий, — зашипел Юрьич. — Ишь, разговорился. Что-то вчера тебя не слышно было. Язык в задницу загнал.

— Вчера я был устамши, — сказал Тоша и расплылся в улыбке, сверкнув своими белоснежными зубами.

Щиты за то время, что валялись на участке, насосали в себя чуть ли

не тонну влаги, и некоторые из них здорово отяжелели. Поэтому большие щиты мы таскали и ставили вчетвером — я с Тошей на одной стороне щита, Саня с полковником — на другой.

Саня, несмотря на свое невыдающееся телосложение, оказался сильным тягловым мужиком. Работал он быстро, не думая, и предпочитал все проблемы решать «с рывка». Он сразу сбросил свои дурацкие тапочки, и голыми ногами смело топтал колючий верещатник...

— Эй, бригадир, — кликнул он вдруг Юрьичу, — помоги хоть один маленький щит поднести! Вот этот — легкий.

— Давай, — с готовностью отозвался Юрьич и схватился за другой конец щита. — Ни хрена себе, легкий! — тут же захрипел он, весь подгибаясь и заваливаясь.

— Ничего, ничего! Давай, давай! — бодро воскликнул Саня и, не оглядываясь, пошел вперед.

Щит этот, ничем не выдающийся на вид, был едва ли не самым мокрым и тяжелым. Мы с Тошей специально отложили его, чтобы потом нести вчетвером.

Кусты карликовых берез излестали Юрьича по сапогам, цепляли за ноги.

— А, ба-лин! — рычал Юрьич, ковыряя ногами мох.

Мы с полковником едва успели поймать его в четыре руки вместе с краем падающего щита.

— Юрьич! — кричал в раздражении Косоворотов. — Отойди на хрен от щитов!

Юрьич обиделся и отошел. А мы помаленьку поставили щиты на обвязку, сбили их начерно гвоздями. Косоворотов залез верхом на край шатающейся стены и топором выправлял угол будущего дома.

— Ну как? — спрашивал он нас.

Мы стояли несколько поодаль и зорким оком оценивали точность вертикали.

— Еще, еще подожди! — кричал Саня.

— Не надо, — говорил я. — Так — нормально.

— Какое нормально?!

— А по-моему, надо малость назад отжать, — интеллигентно встретил Юрьич.

Косоворотов психовал.

— Костя, говори ты!

Я говорил, и Тоша, вытащив топор из стыка, совершал опасный траверс вдоль шаткой стены и перемещался на другой угол. Там все повторялось сначала.

После обеда наши помощники ушли, а мы с Тошей, не торопясь, принялись за верхнюю обвязку. Работа на краю стены требовала аккуратности и точности. Загреметь с трехметровой высоты, особенно внутрь дома, где уже были установлены поперечные лаги и укосины, никому не хотелось. Поэтому работали не торопясь, рассчитывая каждое движение. И все равно время от времени что-нибудь у нас падало вниз: то молоток, то ножовка.

Вечером, сидя у костра и потягивая горячий чай, Косоворотов планировал:

— Завтра закончим верхнюю обвязку, сходим вечерком в лес, нарубим сосенок ровненьких под стропила. А послезавтра будем их ставить. Тебе, Юрьич, надо в Роцино съездить, купить досок для крыши. Бери дюймовку...

Был тихий теплый вечер. Неизбежные комары, попискивая, вились вокруг огня, кусали за ноги. Мы лениво отмахивались от них ветками. Еще не вполне стемнело. Порыжелый брезент обвисшей палатки светлым прямоугольником выделялся на фоне темных кустов.

— Что-то палаточка наша просела, — заметил я.

— Сейчас подтянем, — с неожиданным энтузиазмом отозвался Юрьич и резво вскочил на ноги.

Взяв топор, он пошел к палатке и принялся переколачивать кольца. Слышно было, как в полумраке скрипит песок под его сапогами, как стучит обух топора по сырому дереву. Брезент палатки кривился, то вспухал, то опадал.

— Перекривит ведь палатку, паразит, — лениво сказал Косоворотов, не двигаясь с места.

— А, наплевать, — сказал я.

И тут из-за палатки раздался отчаянный, но уже ставший нам привычным, вопль:

— А, ба-лин!

Что еще такое? Мы вскочили на ноги.

Юрьич вышел из-за палатки, держась одной рукой за голову, а другой машинально сжимая топор. Топор он тут же бросил на землю и принялся второй рукой вытягивать из кармана грязный носовой платок.

— А ну, покажи голову! — строго приказал Косоворотов.

Юрьич отлепил ладонь от головы, волосы его были в крови.

— Раздолбай! — коротко выругался Косоворотов.

Он полез в палатку за полотенцем. Намочив полотенце в холодной воде, приложил его к порезу, по счастью, не слишком серьезному. Юрьич кряхтел и морщился.

— И на хрена ты так остро топоры наточил, — сетовал он. — Бриться ими, что ли, собрался?

— «Взял он саблю, взял он востру и зарезал сам себя...» — вздохнув, подытожил я.

На следующий день Юрьич ходил с перевязанной головой и снова подавал нам гвозди и перетаскивал лесенку от одной стены дома к другой. Но едва лишь он пытался взять в руки топор, как сразу с высоты раздавался суровый окрик Косоворотова:

— Юрьич, отойди на хрен от топора!

И Юрьич послушно бросал топор и или шел за водой, или подтаскивал брусья для потолочных лаг.

В обед он пошел к Сане за гвоздями: наша «сотка» кончилась, осталась только «восьмидесятка».

Оттуда Юрьич вернулся хмурый. Как выяснилось, он посетил новый Санин туалет и обнаружил, что туалет сколочен из его родных, Юрьчевых, досок.

— И краской зеленой покрасил, чтобы я не догадался, — зло докладывал он.

— Да ну, — утешал его Тоша, — может, это и не твои доски? Может, он их купил?

— Ага, купил. Он купит, дожدهшься...

— А может, на свалке подобрал, — подливал я масла в огонь.

К вечеру небо затянуло тучами и начал моросить дождь. Мы закончили пораньше и сидели в палатке, слушая легкий шорох водяных капель. Пасмурная погода не располагала к разговорам...

Мы все дальше и дальше отклонялись от исходного проекта, все более утяжеляли конструкцию «сарая». Юрьич пожелал иметь двухскатную крышу, более высокую и, соответственно, более тяжелую. Кроме того, он планировал пустить на пол сороковку вместо похищенной дюймовки. Все это вызывало законные сомнения у Тоши как главного инженера строительства: а не уйдет ли дом в торф «по самую задницу»?

Последней каплей, переполнившей чашу Тошиного терпения, явились доски, которые Юрьич привез на следующий день из Рошино. Это была необрезанная сороковка. Причем среди сороковки попадалась и тридцатка, и пятидесятка. Доски были либо слишком узкие и перекрученные, либо непомерно широкие с дырами от выпавших сучков. Этими досками нам предстояло покрывать крышу.

— Где ты достал это дерьмо?! — негодовал Косоворотов, приподнимая и бросая то одну, то другую доску. — И этим ты хочешь крыть крышу?

— А где я тебе лучше достану? — срываясь в хрип, кричал Юрьич. — У меня денег не вагон!

За эти несколько дней строительства мы уже порядком устали, и потому ни у кого из нас не было сил спорить. Сороковкой так сороковкой и... зараста все дерьмом!

Кое-как зашили мы с Косоворотовым оба ската. Последние гвозди забивали уже почти в полной темноте, едва попадая по гвоздям. Разогревшись, Тоша молотил, как трактор, и я едва поспеивал за ним.

— Все! — объявил он громко, заколачивая последний гвоздь. — Живи, друг! Живи и размножайся!

Мы спустились на землю с дощатых небес и побросали топоры в цинковое ведро.

Недоверчивый Юрьич полез наверх принимать работу.

— Вон там горб, — въедливо объявил он сверху через некоторое время.

И как он там разглядел что-то в темноте?

— Какой еще горб? — угрожающе возвысил голос Косоворотов. — Ты на себя-то посмотри? Горб...

На станцию возвращались, подсвечивая дорогу карманными фонариками. Шагали быстро и почти не разговаривая — нужно было успеть на последнюю электричку.

Потом, уже на перроне, Юрьич курил, выпуская изо рта в сторону луны лохматые струйки дыма... А в вагоне поезда вдруг принялся поливать свою благоверную. Оказывается, это на ее деньги и по ее инициативе был куплен дачный участок и затеяна вся эта стройка.

— Дачу ей, блин, подавай, — шипел Юрьич. — Новой русской захотелось стать...

— Не хочу быть вольною крестьянкой, — подхватывал я. — А хочу быть столбовой дворянкой!

— Во-во! А что я ей — золотая рыбка?

— Дохлый ты наш карасик, — грустно улыбнулся Косоворотов.

— Вам-то хорошо, собакам, смеяться. Вы свое отколотили, а мне еще ого-го сколько ковырять!

— Ага, прозрел? Это тебе не по командировкам шастать, бумажками махать да девочек охмурять, — засмеялся Тоша.

— Ух ты блин! Он меня еще учит!

— У каждого, Юрьич, — свой крест. У меня — свой, у Кости — свой, а у тебя — дача...

— Да па-ашел ты...

Юрьич отвернулся к окну, за которым проносились темные кусты и надолго замолчал.

Поезд шел с редкими остановками — за окном мелькали деревья, едва видимые на фоне вечернего неба. Время от времени проносились поселки со спрятавшимися в темноте домами — только желтые квадраты окон выдавали теплящуюся в них жизнь. Эти мелькающие за окнами дома кто-то тоже ведь строил. Доставал материалы, нанимал плотников, психовал, ругался. Неожиданно в голове всплыли строчки стихотворения одного из питерских поэтов:

Дом построил себе на болоте,
в гости вас приглашаю. Придете?
Должен быть однозначным ответ.
Да — так да, ну, а нет — значит, нет...

Я посмотрел на своих спутников. Тоша уже кемарил, сдвинув на лоб кепку, заслонившись козырьком от света вагонных ламп. Юрьич улыбался каким-то своим мыслям.

И никто из нас не знал тогда, что перемены в судьбе страны по-своему коснутся и каждого из нас. И жизнь растащит нас в разные стороны, и только спустя восемнадцать лет мы снова соберемся в этом несчастном домике на болоте. Но это будем уже совсем другие мы...

